

«МЕРТВАЯ ДОРОГА» И «КРЕПОСТНОЙ ТЕАТР»

*А.А. Усольтцева,
заведующий отделом истории,
Краеведческий комплекс «Музей вечной мерзлоты»,
Игарка
mvm_history@mail.ru*

Аннотация. Анализируются жизненный и творческий пути талантливого ленинградского художника Дмитрия Владимировича Зеленкова, жизнь которого трагически оборвалась в заключении. На протяжении многих лет имя Дмитрия Зеленкова оставалось в забвении – ни точной даты рождения, ни причин заключения. Данные удалось восстановить благодаря воспоминаниям родственников, друзей и товарищей по несчастью, волею судеб, оказавшихся в лагере.

Ключевые слова: театр; репрессии; ГУЛАГ; Игарка; СССР.

«DEAD ROAD» AND «FORTRESS THEATER»

*А.А. Usoltseva,
Head of History
Local Lore Complex “Permafrost Museum”,
Igarka
mvm_history@mail.ru*

Summary. The article is devoted to the study of the life and career of the talented Leningrad artist Dmitry Vladimirovich Zelenkov. Life, which tragically ended in custody. For many years, the name of Dmitry Zelenkov remained oblivious, neither the exact date of birth, nor the reasons for the conclusion. The data was restored due to the recollections of relatives, friends and comrades in misfortune, by the will of fate, who ended up in the camp.

Keywords: theater; repression; the Gulag; Igarka; USSR.

Город Игарка расположен за Полярным кругом (67° 27' 30" с.ш., 86° 37' 20" в.д.) на правом берегу Енисея напротив острова Полярный (Игарский), в зоне лесотундры, климат резко континентальный. Самая низкая температура: –59 °С, самая высокая: + 33,5 °С.

Среднегодовая температура: -8°C . Полярная ночь длится с 10 декабря по 3 января.

Город и порт Игарка основан в 1929 г. Его строительство было вызвано необходимостью обеспечения экспорта круглого леса, пиломатериалов, пушнины с целью пополнения валютных запасов страны.

Летом 1927 г. экипаж парохода «Тобол» во главе с капитаном Петром Филипповичем Очеретько зашел в протоку и, переживая сильный шторм на Енисее, сделал промеры ее глубины. Оказалось, что она глубоководная и пригодна для приема морских судов. Вскоре специалисты приступили к детальному изучению этого места на Енисее. Был сделан вывод о том, что именно здесь необходимо основать морской порт, поскольку есть возможность вывозить лесные пиломатериалы из Сибири в разные страны мира. 15 июня 1928 г. Совет Труда и Оборона (СТО) рассмотрел на своем заседании предложение Государственного акционерного транспортно-промышленного общества «Комсеверпуть» о строительстве нового порта ниже устья р. Курейка [2, с. 1]. Уже через два месяца в Игарской протоке были загружены круглым и тесаным лесом три парохода, доставивших сибирскую древесину за границу. Грузчики проживали в течение навигации на лихтере и баржах, во временных строениях на берегу.

В июне 1929 г. на правый берег Енисея высадились первостроители, которые привезли с собой материалы и оборудование для строительства лесозаводов и города-порта. В период с 1929 по 1931 г. было выстроено главное предприятие нового поселения – лесопильно-перевалочный комбинат. Ежегодно в период навигации в морской порт прибывали иностранные суда, на которые грузили сибирский лес, высоко ценившийся во многих странах мира.

Город очень быстро строился. И он был исключительно деревянным: дома, тротуары, дороги. В 1931 г. был разработан план застройки города, его автором стал известный архитектор-конструктивист Иван Леонидов. Принцип застройки предполагал линейную вытянутость города, использование двухэтажных деревянных построек. С участием этого архитектора возводились наиболее известные постройки в городе – это прежде всего здание городского совета и исполкома по улице Большого театра, речного порта.

Многие в городе знают, что Игарка построена руками не только приехавших по доброй воли активистов и энтузиастов, как писали тогда газеты о грандиозных стройках СССР, но и страданиями людей, привезенных сюда насильно. Говорить и писать об этом было не принято и запрещено. После перестройки многое изменилось. В центральных средствах массовой информации стали появляться материалы, рассказывающие об истинных причинах переезда людей из обжитых мест в незнакомые и суровые края, массовых арестов, возникновении лагерей.

Трагической страницей в истории города является судьба спецпереселенцев. Уже в 1930 г. в Игарку стал прибывать транспорт с «раскулаченными» крестьянами. Первые годы пребывания спецпереселенцев в «кулацкой ссылке» были крайне тяжелыми. На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность, возросло количество самоубийств, преступлений. 1937 г. и в Игарке был годом массового террора. Аресту были подвергнуты прежде всего бывшие переселенцы. Многие были расстреляны или исчезли бесследно. Лишь спустя десятилетия родственникам удалось узнать правду. В конце 1942 г. с последними пароходами в Игарский район было завезено значительное количество людей различных национальностей с прифронтовой полосы. Это были те, кого Сталин объявил врагами народа. Их ожидала жестокая судьба. Многих латышей, немцев, евреев и т.д. выбросили на необжитый берег в станок Агапитово. Почти половина из прибывших не смогли там выжить и погибли. В 1944 г. в Игарку прибыли переселенцы из Калмыкии. Последними в 1948 г. в Игарку сослали более 5000 человек из Литвы. По свидетельствам очевидцев, система насильственного вывоза из проживаемых мест была разработана в совершенстве. По железной дороге везли всех в товарных вагонах, совершенно закрытых. По Енисею спецпереселенцев сплавляли в трюмах барж или грузовых трюмах теплоходов. После смерти Сталина началась реабилитация спецпереселенцев. Город стали покидать реабилитированные политические заключенные, которые находились здесь в бессрочной ссылке. Многим удалось выехать на гг. родину – в Германию, Литву, Латвию. Литовские граждане в 90-х гг. осуществили вывоз останков своих родственников, захороненных в Игарке. А в память о тех, чей прах покоится на нашей северной земле, они поставили на литовском кладбище памятник.

В память о безвинно пострадавших в годы репрессий на территории музея вечной мерзлоты установлены памятные доски от игарчан, литовцев и латышей.

29 января 1949 г. было принято Постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось о необходимости строительства железной дороги Салехард – Игарка протяженностью в 1200 километров. Предполагалось в четвертом квартале 1952 г. открыть рабочее движение, а в 1955 г. начать эксплуатацию дороги. Планировалось, что переход через реки Обь и Енисей будут осуществляться самоходными паромными [7, с. 8].

Поскольку дорога строилась по личному указанию Сталина, зачастую ее называют Сталинской дорогой. Есть у нее и другое название – Мертвая дорога. Связано это в первую очередь с тем, что ее строительство так и не было завершено, три четверти полотна, проложенного по вечной мерзлоте, остались невостребованными.

Магистраль, проходящая по Северу России, соединяющая европейскую часть с глубинами Сибири, в которых сосредоточено огромное количество природных ископаемых, имела громадное стратегическое значение. Страна получала возможность транспортировать продукцию многих добывающих отраслей более дешевым способом. Кстати, и сейчас многие исследователи вносят в планы развития транспортных сетей страны именно такую магистраль.

Идея строительства дороги обсуждалась уже в период Великой Отечественной войны. В 1944 г. появился план строительства железной дороги, в нем рассматриваются четыре варианта строительства – от Воркуты до Норильска, и все четыре проходят через Игарку. Это неудивительно, так как на тот момент Игарка была известным во всем мире морским портом.

Проект Сталина, хотя и не был лишен перспектив, все же оказался во многом авантюрным. Во-первых, потому, что в послевоенный период страна не имела возможностей для ведения гигантских строек подобного рода. Во-вторых, потому, что, как утверждали изыскатели, не был готов проект строительства железной дороги, которую нужно было прокладывать в особых климатических условиях в зоне распространения вечной мерзлоты. Весь расчет был сделан на то, что в ГУЛАГе было достаточно физической силы, особенно за счет бывших пленных из числа советских солдат

и офицеров. В прежние годы за счет эксплуатации труда заключенных подобные проекты осуществлять удавалось.

Дорогу строили в двух направлениях: с 1947 г. – в Обском (в ГУЛАГе это был объект № 501), и с 1949 г. – в Игарском (объект № 503). Им предстояло прокладывать путь навстречу друг другу.

На новой магистрали собирались построить 28 станций и 106 разъездов. Через каждые 5–10 км на трассе располагались лагпункты. От Игарки до Ермаково находилось семь колонн¹ для заключенных – две в районе города, остальные вдоль Енисея [7, с. 8].

По рассказам очевидцев, лагерные поселки выглядели следующим образом: «Площадка 500 на 500 метров, огороженная колючей проволокой, со сторожевыми вышками по углам. Внутри – одноэтажные бараки, столовая, штрафной изолятор, домик для вахты у единственных ворот. За периметром ограды – сборные финские дома для охраны, вольнонаемных работников, магазин, баня, складские помещения, клуб... В каждой – от пятисот до полутора тысяч заключенных».

Руководил строительством железнодорожной магистрали полковник Василий Арсентьевич Барабанов.

Василий Арсентьевич на Севере, можно сказать без преувеличения, был человеком легендарным. Практически все железные дороги в Заполярье строились при его участии. Несмотря на то что он занимал высокий пост, пользовался большим уважением у заключенных. Судя по документам, начальство на стройке менялось часто. Непродолжительное время проработал на строительстве дороги Салехард – Игарка и Барабанов, в 1950 г. он уехал строить Цимлянский гидроузел. Строительство продолжалось без него. Но именно он в воспоминаниях заключенных занимает особое место.

Идеализировать личность полковника излишне. Как и любой человек, он имел недостатки. И все-таки это была неординарная личность. Вот как о нем вспоминает бывший политический заключенный строек № 501–503, известный артист Леонид Леонидович Оболенский: «Какой человек! Совершенно фантастический по тем временам. Инженер по образованию, строитель. Не было на Урале ни одного каторжника, который плохо бы его помянул. До него был начальник строительства, который говорил: “Мне не нужно, чтобы

¹ Так ранее назывались колонии для заключенных.

вы работали, мне нужно, чтобы вы мучились!” А Барабанов делал дело: строил дороги. Был потом такой роман Ажаева – “Далеко от Москвы”. Это о Барабанове. Помню: Заполярье, северное сияние и – Барабанов с паровозика: “Друзья мои! Все мы здесь вольно или невольно – строим подъездные пути к коммунизму! Вперед, друзья мои! Мы кричали «Ур-р-ра!» (а что еще нам оставалось делать?) и шли, думая: дай тебе Бог здоровья, Василий Арсентьевич... Барабанов потом, во времена Хрущева, работал в газете “Известия” при редакторе Аджубее! Заведовал отделом писем» [7, с. 38].

Хорошо помнит Василия Арсентьевича бывший политический заключенный стройки № 501 Лазарь Вениаминович Шерешевский: «Полковника Василия Арсентьевича Барабанова называли “дядя Вася”. Это был незаурядный человек, успевший пройти старую чекистскую школу и в глубине души понимавший, как много среди его подопечных безвинно страдающих людей. Исполняя все требования своей службы, он сумел все же сохранить человеческий облик, заботился о культуре и медицинском обслуживании заключенных, старался, насколько это было в его власти, облегчить участь тех или иных попавших в беду людей. Впоследствии, когда кончилась его многолетняя строительная эпопея – а он руководил целым рядом таких строек – послужил прототипом Батманова в романе Ажаева».

Василий Барабанов был страстным театралом и горячо поддерживал идею создания театра в лагерной зоне. Чтобы оформить идею юридически, работу театрального коллектива сделали одним из важных элементов культурно-воспитательной работы. По нормам ГУЛАГа, на каждого зека полагалось расходовать 1,5 копейки в день «на культурные нужды». Если умножить эту мизерную сумму на тысячи обитателей лагерей и увеличить в 365 раз – по числу дней в году, – получится капитал. Его-то и решил Барабанов, своей властью, израсходовать на театральный коллектив. По личному распоряжению Василия Арсентьевича его представители собирали людей, имеющих отношение к искусству, со всех лагунков и пересыльных тюрем Севера [1].

В поселке Абезь для размещения театра специально было построено деревянное здание. Состав музыкально-драматического театра в разное время насчитывал около 200 человек, включая театральную службу.

В лагерной оперетте пела Дора Петрова, бывшая когда-то солисткой императорского театра в Петербурге. В драматической труппе работали «радловцы». В 1942 г. Театр Ленсовета во главе с Эрнестом Радловым эвакуировали на Северный Кавказ. Там артисты попали в плен, их вывезли в Германию и заставили выступать в лагерях перед русскими переселенцами. За это после Победы «радловцы» оказались в ГУЛАГе. Среди музыкантов был пианист Всеволод Топилин – первый аккомпаниатор знаменитого скрипача Давида Ойстраха. Симфонический оркестр возглавил бывший дирижер одесского театра Николай Чернятинский. Во время оккупации он оставался в городе и даже ставил там оперные спектакли. Сотрудникам НКВД, появившимся в Одессе после изгнания гитлеровцев, такая идея просвещения немцев не понравилась, и Чернятинского отправили в лагерь.

Эстрадными музыкантами руководил известный в Советском Союзе джазмен Зиновий Бинкин. Еще до войны он несколько лет руководил Московским областным арестантским ансамблем, который располагался в одной из «ближних» зон – в Бескудниково. Однако в 1948 г. Берия распорядился всех осужденных по 58-й статье из Подмосковья убрать. Так Бинкин и его музыканты оказались на севере.

Среди подневольных артистов гулаговского театра была Ванда Савнор. Она успешно работала в Москве. Весной 1949 г. арестовали ее мужа-инженера. Ванда Антоновна, узнав, что он увезен на строительство железной дороги на севере Сибири, без колебаний отправилась к мужу в заполярную Игарку, прихватив с собой маленького сынишку. Приезжую певицу сразу же позвали принять участие в работе театральной труппы. Художником в театре заключенных был Дмитрий Владимирович Зеленков...

Личность Дмитрия Владимировича Зеленкова мало известна и даже мистически загадочна, так как исследователям его биографии и творчества постоянно приходится сталкиваться с трудностями в поиске информации об этом человеке, которая к тому же оказывается противоречивой и загадочной. Главное противоречие заключается в том, что имя художника, которому суждено было раскрыть свой талант на лучших сценах известных театров, ушло в забвение в условиях лагерной несвободы.

Дмитрий Владимирович родился 26 января 1909 г. в г. Петербурге. Художественный талант Дмитрия, унаследованный от пред-

ков, рано проявился уже в детстве, и никто не сомневался в том, что Диму ждет большое будущее. Так и случилось. Уже в 1939–1940 гг. он работал в Мариинском театре декоратором, сотрудничал также с Александринским театром и за столь короткий срок успел приобрести славу «мага и волшебника». О родственниках Дмитрия Владимировича впервые были собраны материалы исследовательницей из г. Нарвы И.Е. Иванченко. В своих книгах она показывает связь рода Зеленковых, Лансере, Бенуа, Случевских. Отец Д. Зеленкова, Владимир Александрович, по специальности инженер-технолог-светотехник, работал в Петербургской конторе немецкой фирмы «Сименс Гальске», где он успешно занимался изобретениями [3, с. 410]. Автор технических книг, одну из которых о малярном деле иллюстрировал его сын – Дмитрий.

Женился Владимир Александрович на одной из дочерей знаменитого скульптура Евгения Лансере – Екатерине, которая в свою очередь доводилась племянницей знаменитому художнику и искусствоведу, одному из основателей объединений «Мир искусства» Александру Бенуа.

По словам Ирины Иванченко, автора книги «Родов связующая нить», семья Лансере – Бенуа была не только талантлива, но и очень дружна между собой. В летнее время вся семья Лансере уезжала в собственное имение Нескучное в 30 км от Харькова. Сюда же приезжали молодые супруги Зеленковы и другие многочисленные родственники.

Екатерина Евгеньевна была замечательной матерью. Все свободное время она отдавала заботе о детях, а их в семье было четверо. Екатерина Евгеньевна умерла в 1921 г. в Петрограде в возрасте 39 лет от менингита.

Вторым ребенком в семье Зеленковых был Дмитрий. Екатерина Дмитриевна Якубович, племянница художника, вспоминает, что Дмитрий был необыкновенно красив, артистичен, но, в отличие от мамы и братьев, меланхоличен. Он рисовал на любой бумаге, которую находил дома. Это были куски от чертежных бумаг или документов, в ход шли даже визитные карточки отца. Екатерина Дмитриевна рассказывает также: «Дмитрий не имел никакого специального образования, но в этом не было необходимости. Он получил в семье достаточно глубокие знания и развил в себе природный талант». Именно это предопределило профессию Дмитрия. В период с 1920 по 1930 г. он работал художником в театрах города Ленинграда.

Родные запомнили Дмитрия уходящим на фронт в июне 1941 г. Тогда маленькая Катя произнесла фразу, которая более всего запомнилась о том периоде: «Ну, теперь мы победим!» Как вспоминает сама Екатерина Дмитриевна Якубович, Дмитрий был всегда красив, но в этой форме особенно, и это не могло не вызвать у нее восхищения. Для Дмитрия Зеленкова не стоял вопрос – идти или не идти на фронт, по-другому быть не должно, он идет защищать Родину. Он уходил на фронт, имея за плечами опыт работы в ленинградских театрах и даже познав радость успеха и признания его таланта. Дмитрий Владимирович к тому времени был совершенно счастлив и в личной жизни, он встретил и полюбил талантливую балерину Ольгу Иордан, на тот момент уже заслуженную артистку РСФСР.

Связь Владимира Зеленкова и Ольги Иордан была наполнена какой-то особенной духовностью, родством очень похожих и понимающих друг друга людей. Но эти отношения оборвались в 1941 г. раз и навсегда.

«Никто из родных долгое время не знал, что Дмитрий Владимирович в самом начале войны был тяжело ранен и взят в плен. В плен он попал во время окружения полка под Ленинградом. Его отправили в концлагерь в Финляндию». Старшая сестра Нина после окончания войны встретилась с Дмитрием в Москве в пересылочной тюрьме. Какой-то добрый человек прислал ей весточку, что брат будет находиться на пересылке, и она сразу бросилась туда. Дмитрий был подавленным и все время повторял: «Какое счастье, что у тебя есть Катя!» Чудом выжившая в блокаде сестра в будущем станет главной родственной ниточкой, подающей хоть какую-то надежду. Сразу после возвращения в Ленинград с пересылки Нина встретилась с однополчанином Дмитрия, который и рассказал, что все они находились в концлагере в Финляндии, по окончании войны состоялся обмен военнопленными, русские возвращались домой до границы радостными с букетами цветов, а на родине их затолкали в теплушки и отправили по тюрьмам.

В справке МВД Республики КОМИ говорится: «Был судим военным трибуналом Московского военного округа 17 апреля 1945 г. по статье 58-1б УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Начало срока с 15 февраля 1945 г.» [6].

Д.В. Зеленков был направлен для прохождения заключения в закрытый подмосковный лагерь. Он работал где-то в районе Подольска в каком-то авиаконструкторском бюро и как художник оформлял там всякие чертежи. Несмотря на приказ, из этой шарашки 58-ю даже не трогали, потому что там были ценные кадры, вроде ученых, атомщиков, авиаконструкторов. Но Зеленков нарушил лагерный режим, поскольку сам решил из этой шарашки бежать.

В 1949 г. Северное управление железной дороги Салехард – Игарка перевели в Игарку, сюда же переехал начальник стройки, полковник В.А. Барабанов. Театр, по сути его «детище», он распорядился тоже перевести из поселка Абезь в Игарку. И поскольку именно тогда и именно здесь сконцентрировались яркие таланты, остались наиболее полные их воспоминания о Зеленкове. Высоко оценивали его профессионализм режиссер Ю.А. Аскарлов, актеры Л.Л. Оболенский, Л.И. Юхин, литератор Р.А. Штильмарк. Юсуф Алимджанович Аскарлов писал о театре того времени: «Всего, если не ошибаюсь, 200 с лишним человек. Плюс 16 актеров вольнонаемных. Театр необыкновенный!!! Поразивший на всю жизнь! Главное, конечно, – населявшие его люди. Обращались исключительно на “Вы”! В нас ценили профессионализм, безотказность, любовь к своему ремеслу. Приходилось работать по 12 часов: репетиции, концерты, спектакли, не оставалось времени на “самоедство”, порой забывали о прошлом, о доме, о воле...». Роберт Александрович Штильмарк оставил не просто воспоминания о театре, но и сохранил папку с некоторыми документами, в которой был автопортрет Зеленкова. Он вспоминал: «Когда публика, потрясенная красотой декораций в пьесе “Раскинулось море широко”, устроила талантливому художнику Д.В. Зеленкову десятиминутную овацию, выкрикивая его имя, известное стране, тупица из политотдела запретил ему выйти и поклониться со сцены».

Игарка позволила хоть на какой-то миг почувствовать себя свободнее. Это было время признания таланта Зеленкова и даже гастролей. Чудом сохранились письма Дмитрия Зеленкова сестре Нине. Одно из них написано в июне 1950 г., брат пишет о прибытии в Игарку в 1949 г.: «В конце июля мы открыли наш сезон в Игарском театре. Спектакли шли с большим успехом, мы же (я и мои помощники) не чувствовали под собой ног от усталости, восстанавливая и переделывая декорации к новой сцене. Я был

принят очень тепло. Все мои спектакли заслужили одобрение у публики, а некоторые и восторженные отзывы в местной прессе». Здесь, в Игарке, за работу в театре даже платили деньги. А поездка в Норильск на гастроли была просто подарком судьбы. В каюте первого класса Дмитрий Зеленков вместе с главным дирижером театра отправляется на север: «Полтора месяца гастролей с прекрасным питанием, очень уютным жильем, успехом у публики, стыдливymi взглядами некоторых дам, взволнованных, очевидно, видом моих черных вьющихся бакенбардов – все это вместе взятое составляет приятный материал для воспоминаний». Возвращение в Игарку поначалу не предвещало неприятностей, хотя драматический театр уже был переведен в Ермаково, где было для него здание. Театр оперетты, оставшийся в Игарке, должен был ставить и драматические спектакли. Это было поручено главному художнику Зеленкову. Здесь же с ним «творил на сцене» ленинградский режиссер В. Иогельсон, осужденный на 20 лет: «Долго мы с ним ломали голову, какую пьесу поставить на нашей сцене. Профессиональных актеров у нас очень мало, средства мизерные, а поражать публику чем-то нужно. Остановились мы на пьесе “Двенадцать месяцев” С. Маршака». К Новому году состоялась премьера. Она далась нелегко, Зеленков жил постоянно в мастерской, то есть в лагере было разрешено не появляться. Много бессонных ночей и нервов было потрачено на постановку. Но все остались довольны. Иогельсон оценил работу Зеленкова «как лучшую в этом театре».

Дмитрий Зеленков создал вместе со своими коллегами «потрясающую сценическую феерию» благодаря использованию трофейного сценического реостата, обновлению кулисных и осветительных устройств. Штильмарк пишет: «На глазах у зрителей волшебнo расцветали фантастические цветы, а в их чашечках вспыхивали разноцветные огоньки под волшебную музыку, написанную заключенным композитором и пианистом. Таяли на сцене льды над омутом и бежала ветровая рябь по озерному зеркалу, деревья зеленели, желтели и сбрасывали листву, снег устилал лесную опушку, и, пока маленькая падчерица, прекрасно сыгранная заключенной девушкой Леночкой, “кружила” по лесу в снежной метели, прежде чем начать свой монолог, театр бушевал от оваций художнику. Леночка была вынуждена делать долгую паузу перед

монологом, а аплодисменты вновь вспыхивали в восторженном, потрясенном зале».

Зеленков мог спасти любую даже самую ненадежную ситуацию и сотворить на сцене из самых нехитрых материалов чудо! Но, как верно отмечает Роберт Александрович, «труд, вдохновение, Божий дар таланта, ежедневно приносимые заключенными работниками театра в жертву искусству, творчеству, – превосходили их физические и нравственные силы». Надломленность усугубляла и личная драма Зеленкова.

Вскоре Зеленкова вызвали в Ермаково. Здесь он работает в клубе постройкома, руководит самодеятельностью вместе с Вандой Антоновной Савнор, которая бросила актерскую карьеру в Москве и приехала к сосланному мужу в Ермаково. Дмитрий Владимирович не был освобожден от общих работ. Лапицкий Савелий Яковлевич, ленинградский художник, отбывавший срок в Ермаково, также поделился воспоминаниями с нашим музеем. Он рассказал, например, о том, что застал Зеленкова на общих работах в центральных ремонтных мастерских: «Он из рукава в рукав передал мне кисти. Зеленков спас мне жизнь, я навечно запомнил его какую-то аристократическую худобу, тонкие длинные пальцы».

Ванда Антоновна Савнор много раз рассказывала истории о Зеленкове. Она боготворила его, поэтому всякий раз вновь и вновь вспоминала его, сожалела, что не смогла спасти его жизнь. В Игарке у него уже была попытка повеситься. Актеры вовремя пришли на помощь, хотя долгое время художнику пришлось ходить в фельдшерский пункт, где работал тогда Александр Альбертович Сновский, автор третьего выпуска сборника Игарского музея «Стройка 503»: «Он ходил на процедуры, сипел буквально, травмировал голосовые связки. Потом он наладился. ... Дима был утонченно хорош. Высокий (правда, сутулый), худой, астеничный, красивый, вежливый, задумчивый... Это был Христос, одухотворенный человек с лицом Христа. Он был совершенно не приспособлен к лагерю, это был не лагерный человек. Он был с другой планеты, хотя и фронтовик».

В Ермаковском клубе рабочая комната В.А. Савнор была на балконе за кулисами. Там был телефон, которым она могла пользоваться. Однажды позвонили и пригласили к телефону Дмитрия Зеленкова. Едва закончив разговор, Дмитрий убежал. «Через неко-

торое время, – вспоминает Ванда Антоновна, – врывается с ножом в руке П. Пустовойт и выдыхает: “Зеленков повесился в туалете за клубом!” Спрыгнув со второго этажа и крикнув актерам о случившемся, он бросился спасать Диму. А я – бегом в медпункт за врачом. Дима лежал на деревянном настиле около клуба, а актеры делали ему искусственное дыхание» [4].

Петля «несвободы», в которую художник попал уже в плену, затянулась еще туже в застенках ГУЛАГа. Здесь он с каждым годом заключения терял надежду на то, что сможет реализовать свой талант. До освобождения оставалось менее года, но он прекрасно понимал, что после лагеря ему будет закрыта дорога в большие театры, устройство возможно только в провинции.

В справке, пришедшей в адрес Игарского музея в 1998 г. из г. Воркуты, говорится: «Начало срока с 15 февраля 1945 г., умер 3 июня 1951 г., похоронен на кладбище пос. Ермаково, номер могилы Г-20». Официальных похорон не было, даже вольнонаемные не слышали о том, что можно присутствовать на похоронах Зеленкова. Место расположения кладбища, где похоронен Зеленков, никто не знает. Реабилитирован Дмитрий Владимирович 14.10.1993 г.

Уход из жизни для Зеленкова, как верно заметил А.А. Сновский, был побегом, из которого нет возврата: «Перед этим побегом бессильны самые лютые оперативники с самыми злобными, натренированными овчарками. А называется этот побег самоубийством» [5, с. 138].

Сохранение памяти о Дмитрие Зеленкове, исследованием его жизни и гибели на протяжении многих лет занимались экс-директор музея – Мария Вячеславовна Мишечкина, Александр Игоревич Тощев. Именно они открыли это имя нашему городу, нашли родственников, установили с ними тесные дружеские взаимоотношения.

В декабре 2013 г. Игарскому музею были переданы рисунки Дмитрия Зеленкова из семейного архива, сохраненного в Петергофе его племянницей Екатериной Дмитриевной Якубович. Сбор средств на доску памяти, посвященную Д.В. Зеленкову, художнику из рода Лансере – Бенуа, погибшего в ГУЛАГе и похороненного в Ермаково, продолжался два года, в нем участвовали кроме сыновей Якубович некоторые игарчане, а также общество «Мемориал» (Алексей Бабий). 3 июня 2019 г. состоялось торжественное мероприятие, на площадке перед зданием отдела «Стройка № 503» – открытие памятной доски Дмитрию Владимировичу Зеленкову.

Список литературы и источников

1. Алексей Мороз о «Крепостном театре» ГУЛАГа [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.city/article/66634> (дата обращения: 10.07.2019).
2. ГАКК. Архивная справка. 13.07.1999. С. 1.
3. Иванченко И.Е. Родов, связующая нить (Хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и эпистолярном наследии). СПб.: Алетейя, 2011. С. 410.
4. Савнор В.А. Рассказ очевидца. Записан А.И. Тощевым / Архив музея.
5. Сновский А.А. Дмитрий Зеленков // Стройка 503. Выпуск 3-й. Класс-Плюс, 2012. С. 138–140.
6. Справка МВД Коми АССР, выданная Музею вечной мерзлоты. 5 марта 1998 г. // Архив музея.
7. Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск: Гротеск, 2000. Вып. 1. С. 8.